

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.54631/VS.2022.62-111112

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВЬЕТНАМА КАК ПРЕДМЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

А.Л. Федорин¹

Ветюков А.В. Меч, сокрытый в глубине вод (военная традиция средневекового Вьетнама). СПб.: Евразия, 2018. 320 с. ISBN 978-5-8071-0386-4.

Аннотация. Статья является рецензией на монографию В.А. Ветюкова «Меч, сокрытый в глубине вод (военная традиция средневекового Вьетнама)», в которой автор обобщил свою многолетнюю работу по изучению традиционной вьетнамской армии в том виде, в котором она существовала при династии Поздние Ле (1428–1787). Работа базируется на вьетнамских источниках, в первую очередь, на разделе «Записи о военных установлениях» из «Классифицированного описания установлений прошлых династий» знаменитого вьетнамского энциклопедиста XIX в. Фан Хюи Тю, исследовательской литературе, а также на собственных полевых исследованиях автора во время командировок во Вьетнам и сопредельные страны. По полноте охвата материала и подробности

описания эта книга намного превосходит всё то, что публиковалось ранее по данной проблеме не только в отечественной и западной, но и даже во вьетнамской историографии (в первую очередь, это касается двух её последних разделов). В то же время содержащиеся в ней некоторые выводы и заключения, особенно по поводу собственно организации армии и её истории, могут стать предметом дискуссий. В любом случае, эта монография безусловно очень полезна и может в обозримом будущем стать основой для дальнейших исследований и подготовки учебной литературы и курсов лекций.

Ключевые слова: военная история, средневековый Вьетнам, организация армии, народные боевые искусства, династия Поздние Ле.

¹ Федорин Андрей Львович, д. и. н., н. с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Для цитирования: Федорин А.Л. Военная история средневекового Вьетнама как предмет специального изучения // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 86–92.

Дата поступления статьи: 27.07.2022

Принята к печати: 25.08.2022

Монография Владимира Александровича Ветюкова является плодом его многолетнего упорного труда, начатого еще в студенческие годы. В ходе знакомства с ней читателя не покидает вполне чёткое ощущение, что это не просто очередной конъюнктурный опус с целью попытаться высказаться по малоизученной теме, дающей широкие возможности для подачи нового материала, но и продукт личной заинтересованности, персонального увлечения автора, которому он посвятил существенную часть своей жизни. Профессионально занимаясь той же, что и В.А. Ветюков, эпохой в истории Вьетнама (династия Поздние Ле), я до сих пор не встречал работ (в том числе и вьетнамских авторов), где обозначенные в ней проблемы рассматривались столь тщательно и глубоко. В первую очередь это касается четвертого и пятого разделов монографии, которые посвящены оружию, тактике и стратегии, родам войск и их взаимодействию, описанию для подтверждения своих выводов некоторых конкретных сражений, боевым искусствам Вьетнама. Здесь практически все сведения — новые или малоисследованные, притом изложены они вполне систематически и подробно.

Предложенная работа важна еще и тем, что она порождает у читателя много дополнительных вопросов, стремление начать дискуссию, добиться большей ясности или даже подвергнуть сомнению некоторые её положения. Попробую этим заняться (это касается в основном первых трёх разделов).

Автор монографии при описании структуры и характера вьетнамской традиционной армии опирался в основном на один из разделов вьетнамской исторической энциклопедии, написанной в XIX в. Фан Хюи Тю. При этом, судя по ссылкам, он редко обращался к текстам собственно летописей. Между тем описания боевых действий в различных войнах и ситуация в армии — одни из любимейших сюжетов средневековых историографов, из которых можно было бы почерпнуть очень много информации, дополняющей, а иногда и опровергающей мнение автора монографии. Но он идёт следом за Фан Хюи Тю, который базируется практически исключительно на нормативных документах того времени, полагая, что если правители страны распорядились подобным образом, то и дела должны были обстоять именно так.

Один из главных тезисов автора — правители Вьетнама всегда стремились к созданию единой общенациональной армии, которую в трудные времена отдельные военачальники растаскивали на отряды, подчинённые лично им, существенно снижая её оборонный потенциал. Позволю себе с этим не согласиться. На мой взгляд, наоборот, большую часть истории страны вьетнамская армия в основе представляла собой объединение не самых больших по величине профессиональных дружин местных военачальников (о которых Фан Хюи Тю почти ничего не пишет), лишь усиленных и дополненных фактически народным ополчением из числа рядовых общинников (о которых этот вьетнамский историк пишет очень много). Это и Зьонг Динь Нге (931 г.) с его многочисленными «приёмными детьми» (*коннуой*), и двенадцать *шыкуанов* (965–967), большинство из которых сохранили свои армии и после прихода к власти династии Динь (968–980), и Ле Дай-хань (980–1005), раздавший именно с этой целью уделы своим многочисленным сыновьям, это и род Чан и так называемые «жители Куокоая» или «жители Кхоайтяу» времён династии Поздние Ли (1009–1225). Руководители

таких отрядов держали в своём ведении большие территории, опираясь на которые могли содержать частные армии. В массе своей это были отнюдь не рабы, которые возвращались к земледелию после окончания боевых действий, как пишет автор рецензируемой монографии (с. 33). Это были настоящие профессионалы, освобождённые от налогов и повинностей, занимающиеся постоянной военной подготовкой, изготовлением и совершенствованием оружия, заботой о слонах и боевых конях. Фактически частным случаем таких армейских образований были столичные войска (гвардия) при правителях страны, которые комплектовались в основном за счет новобранцев из числа его земляков (по месту происхождения династии или правящего дома), пользовавшихся всеми привилегиями и получавших достойное содержание. Именно в этих рамках проводилась и подготовка кадров будущих младших и старших командиров. Они были сплочены и слажены между собой, представляя существенную военную силу. Им было что терять, поэтому позволить себе струсить на поле боя они не могли и сражались до конца. В количественном отношении таких было не так много, но вполне достаточно, чтобы в обычные времена выполнять все поставленные перед вооруженными силами задачи (борьба с повстанцами, криминалом, пиратами, набегами соседей, включая тямов, обуздание горцев). Когда же возникала потребность в больших военных операциях (сопротивление китайцам на севере, походы на юг, сначала на тямов, потом на Нгуенов), указанные армейские части пополнялись многочисленным ополчением из числа военнообязанных общинников, которые делились на неравные группы и передавались в оперативное подчинение всё тем же профессиональным подразделениям, играя вспомогательную роль или будучи «пушечным мясом» во время штурма укреплений или позиций врага.

Наибольшего развития система частных военных отрядов достигла при династии Чан (1226–1400), когда существенная часть дельты Красной реки была разделена на уделы военачальников - родственников этого дома. Именно благодаря высокой боеготовности такой армии Дайвьету и удалось в конце концов одолеть монгольское нашествие и остановить дальнейшее движение победоносных армий Юаней на юг. И хотя многие участники тех сражений из числа членов этих отрядов в документах именуется рабами, это были настоящие мудрые военачальники, до сих пор почитаемые во Вьетнаме. В их честь даже названы улицы в Ханое.

После переворота, предпринятого в 1400 г. Ле Куи Ли, когда большинство военачальников-родственников предшествующей династии было физически уничтожено, армия страны, состоявшая из отдельных региональных отрядов профессионалов, прекратила своё существование. Вместо неё новый правитель страны решил создать совершенно новую, основанную на всеобщем наборе части общинников по всем неоконфуцианским принципам. Такая армия была создана, но её боеспособность была несопоставима с боеспособностью предыдущей. Это показали события 1407 г., когда всего за полгода вся страна была захвачена войсками династии Мин и обращена в китайскую провинцию.

Ле Лой, основатель династии Поздние Ле, учел печальный опыт своего предшественника, и его войска, которые в 1427 г. в конце концов заставили Минов уйти из Вьетнама, как и при династии Чан, уже строго формировались на основании отдельных региональных отрядов. При нём начал проявляться и армейский регионализм в рамках страны: отныне и в дальнейшем профессиональными военными на всех уровнях были почти исключительно южане, выходцы из провинций Тханьхоа и Нгеан. Сложилась такая ситуация естественным образом. Китайские крепости брали южане, а среди их защитников

существенное число составляли северяне, которые за 20 лет вполне адаптировались к китайскому господству и не хотели ничего в своей жизни менять. Об этом свидетельствует относительно небольшое число китайцев, покинувших Дайвьет после достижения перемирия, которое сильно удивило минского императора Сюань-цзуна (1425–1436). И это взаимное недоверие южан и северян длилось многие годы, вылившись в то, что военными профессионалами дозволялось быть исключительно южанам, северяне же могли быть призваны в армию только в качестве ополчения при крупных походах, а средних и высших военачальников среди них практически не было. Кроме того, эта ситуация была оправдана с экономической точки зрения: бедный пахотными землями и богатый избыточным населением юг в условиях послевоенной депопуляции гораздо выгоднее было использовать в качестве мест для набора рекрутов, оставляя дельте Красной реки роль главного поставщика налогов и сборов. В качестве компенсации жители Тханьхоа и Нгеан освобождались от подушного налога и существенной части земельной ренты (один *мау* земли на юге был в три раза больше одного *мау* земли на севере, а сбор с них был одинаков). Здесь же без особого ущерба для экономики государства негласно дозволялось создавать помещичьи усадьбы, фактическую основу будущих новых военных отрядов.

При следующих правителях династии Поздние Ле ситуация не менялась вплоть до прихода к власти Ле Тхань-тонга (1460–1497). Свидетель безнаказанных убийств своих братьев Ле Нян-тонга и Ле Нги Зана, которые были спланированы и осуществлены всё теми же всесильными региональными военачальниками, он вновь, хотя и менее радикально, чем Ле Куи Ли, попытался создать армию нового типа. Важно отметить, что все *евон* военные успехи (разгром Чампы на юге и захват её территории, грандиозные походы на запад, когда войска Дайвьета дошли до бирманской границы), были достигнуты им ещё до доведения до конца военных реформ, так что настоящей проверки боеготовности вновь созданной им армии не было. Но вскоре после смерти этого императора всё вернулось на круги своя.

Вплоть до первой четверти XVIII в., когда власть в Дайвьете перешла в руки *тюа* Чинь Кыонга, ситуация оставалась прежней, но реформы, начатые им в 1722 г., всё разрушили. По его указу все частные военные отряды были ликвидированы, а вместо них была создана постоянная армия из рекрутов, набранных во всех провинциях страны, а не только в южных, кормить которых путем выделения специальных земель обязали многострадальные общины. Кроме того, впервые была создана централизованная система подготовки кадров и введены экзамены на получение воинских чинов, в которых могли участвовать все удовлетворяющие требованиям кандидаты, как с юга, так и с севера. Для боеспособности вооружённых сил того времени эта реформа была губительной, что показали многолетние гражданские войны, начавшиеся в 1739 г. Численно сокращённая и утратившая ряд своих привилегий столичная гвардия, по-прежнему состоявшая из южан, продемонстрировала своё бессилие в реальных сражениях, а существенная часть вновь набранных солдат и офицеров из числа уроженцев дельты и вовсе перешла на сторону повстанцев. Власть *тюа* из рода Чинь оказалась под смертельной угрозой и едва не пала. Лишь невероятными усилиями ей удалось удержаться, создав армию совершенно нового типа, вновь опирающуюся на верные ей региональные военные элиты, но на этот раз не только южные, но и северные. И эта армия, вопреки мнению автора монографии (с. 72), была чрезвычайно сильна. Ей не только удалось подавить все многочисленные восстания внутри своих территорий, но и реализовать вековую мечту северян — захватить главные вотчины южновьетнамских Нгуенов и даже наголову разгромить войска тэйшонов, которые были вынуждены на время признать своё подчинение династии Поздние

Ле. Созданная Чинями структура управления, опиравшаяся на региональные элиты всей страны, которым предоставили беспрецедентные полномочия на местах, могла быть эффективной только при наличии сильной центральной власти, способной построить соответствующую систему сдерживания и противовесов. А когда такой власти после смерти *тьюа* Чинь Шама в 1782 г. не стало, страна фактически распалась на независимые враждующие между собой уделы и стала легкой добычей для напавших с юга тэйшонов. Вот такой с учетом данных летописей мне видится в общих чертах военная история средневекового Вьетнама. Впрочем, эта картина в целом не противоречит концепциям автора монографии, но лишь уточняет и дополняет ее.

Также ряд вопросов вызвали заключения автора по поводу фортификационных сооружений. Исследование средневековых текстов показывает, что вьетнамцы в этом отношении были не слишком компетентны, они не умели ни строить по-настоящему неприступные оборонительные сооружения, ни оборонять их, ни брать приступом крепости противника. До второй половины XVII в. мне не известно ни одного случая, когда какая-то вьетнамская крепость (включая столицу Тханглонг) выдерживала бы осаду более одного дня. Это касается, в том числе, и укреплений в горных районах на границе с Китаем, где вполне можно было бы на некоторое время затруднить продвижение китайских войск по в целом немногочисленным проходам, но этого никогда не происходило. Крепость Дабанг, которую при Ле Куи Ли любовно строили всей страной как центр обороны против неминуемого вторжения Минов, взяли первым же штурмом, а крепости Восточной (Тханглонг) и Западной столиц страны того времени даже и не пытались оборонять. Первые достойные внимания оборонительные сооружения, игравшие существенную роль во время многочисленных войн, появляются во Вьетнаме лишь в XVII в. Это знаменитая Донгхойская стена, ставшая непреодолимой преградой для войск *тьюа* Чинь во время их походов на южновьетнамских Нгуенов, но она, по некоторым сведениям, уже строилась по планам, предложенным западными советниками. А первые действительно неприступные крепости (Куинён, который император Зялонг смог взять лишь после того, как расправился с тэйшонами на севере, или Зядинь (Сайгон), где длительной время держал оборону мятежник Ле Ван Кхой) были построены уже по проектам французских специалистов.

То же самое касается и умения брать крепости иностранного противника, прежде всего китайские. Великий вьетнамский полководец Ли Тхыонг Киет времён династии Поздние Ли до мелочей продумал свой поход в южный Китай, но упёрся в ~~целом~~ малозначимую крепость Юнчжоу, которую штурмовал более 40 дней. В конце концов, крепость взяли, но все планы были нарушены, и вьетнамским войскам пришлось вернуться. Для Ле Лоя, основателя династии Поздние Ле, настоящей головной болью стали крепости, построенные во Вьетнаме оккупационными войсками династии Мин. Несмотря на численное превосходство вьетнамских армий и длительное стояние под стенами, им так и не удалось захватить столицу Тханглонг. Даже на родине будущего императора, в провинции Тханьхоа, главную крепость так и не захватили: её защитники, как и защитники большинства других китайских укреплений покинули их стены добровольно уже после достижения перемирия в конце 1427 г. То же самое касается крепости в Нгеане, длительное время находившейся в осаде и оставленной обороняющимися лишь по приказу из столицы. Многие крепости Минов, которые все-таки удалось поставить под контроль до этого, не пали, но были уступлены благодаря «проникновенной» переписке с их защитниками, которую вел Нгуен Чай.

Также хотелось бы отчасти реабилитировать придворных гвардейцев, так называемых кичливых солдат, на которых обрушился Фан Хюи Тю, а вслед за ним и автор рецензируемой монографии, обвиняя их в грабежах, притеснении мирного населения и трусости на поле боя (с. 115). Система гвардейских частей, основанная на наборе даже на рядовые должности потомственных военнотружущих из южновьетнамских провинций Тханьхоа и Нгеан, охранявших *тюа* и императора, была введена еще императором Ле Тхай-то, который с большим недоверием относился к фактически покоренным им северовьетнамским элитам и опасался их. Всё время существования этой гвардии она в целом вполне справлялась со своими обязанностями, являясь прочной и надежной опорой трона. Со столичными жителями гвардейцы практически не общались, даже говорили с ними на разных языках (диалект уроженцев провинции Тханьхоа до сих пор сильно отличается от столичного говора) и относились к ним весьма высокомерно. Их положение было особо привилегированным: хорошее содержание, безналоговые земли для семей на родине, возможность передать свою должность по наследству, прекрасные перспективы служебного роста — все это вызывало зависть не только у местных простолюдинов, но и среди обычного воинства, ведь даже в военных действиях они участвовали крайне редко, только если на месте событий оказывался император или *тюа*. Не добавляло любви к гвардейцам и то, что они официально исполняли функции жандармов, внутренней и внешней разведки и контрразведки с их незаконными арестами, пытками и т.п. Опасными для трона эти гвардейцы становились лишь в тех случаях, когда власть так или иначе покушалась на их привилегии, пыталась урезать содержание, сократить количество, посягнуть на их исключительное место при дворе, заставить воевать. Таких бунтов было не так много.

Нельзя назвать удачной попытку автора применить собственную транскрипцию (а не транслитерацию, как он пишет на с.29) вьетнамских имен, терминов и географических названий. Само утверждение: «Я так слышал, будучи во Вьетнаме», не кажется убедительным, если оно не исходит от профессионального филолога-фонетиста. Использование же системы, основанной в первую очередь на транслитерации, как это традиционно принято в других работах, позволяет читателю-вьетнамисту самому понять, о каком слоге может идти речь, не обращаясь к оригинальному вьетнамскому тексту, и отличать «ch» от «tr», «s» от «x», «d» от «gi» и т.п. И уж во всяком случае, определив для себя любую из систем передачи, надо ей строго придерживаться, чтобы на одной странице не появлялись одновременно и «диафьонг», и «дяфьонг» (с. 31). А причины написания отдельно географических названий вообще не поддаются разумному объяснению. Во всяком случае, я с таким сталкиваюсь впервые.

То же самое можно сказать и о предложении именовать правителей Дайвьета «королями» по примеру системы, существовавшей во времена Священной римской империи (с. 27). Дальневосточная империя, в отличие от западной, это в первую очередь форма правления, государственная идеология, которую вьетнамцы скопировали у Китая до мелочей. Автор же предлагает придерживаться того, как именовали правителей Дайвьета китайцы. Действительно, термин «Аньнань гован», или, по-вьетнамски, «Аннам куоквьонг» в некотором приближении можно считать аналогом западноевропейскому королю. Но ведь такое «китайское звание» правителей Вьетнама и появилось не сразу (лишь в 1174 г.), и носили его далеко не все вьетнамские императоры. Так, Юани признали Аньнань гованом лишь первого императора династии Чан — Чан Тхай-тонга. Все остальные представители этой династии такого назначения от них не получали, поскольку им был удостоен сначала предатель Чан Ить Так, а затем его потомки. Императоры династии Мак (которых автор книги

почему-то упорно величает «узурпаторами», хотя даже в самой вьетнамской историографии от этой дефиниции давно уже отказались) получали от китайцев наследственную должность второго ранга второго класса — губернатор-*дунуши*, а Дайвьет считался ими одной из провинций Поднебесной под названием Аннам. Такой же должности, не более, смогли добиться от Минов и императоры династии Поздние Ле после возвращения в Тханглонг в 1593 г. Так что, на мой взгляд, уместнее именовать правителей Дайвьета так, как они себя называли сами и как их называли подданные, а не так, как это было принято у географических соседей. А писать про императора Куанг-чунга, что «он принял королевский титул» (с. 238), когда этот титул звучал, как *хоангдэ*, на мой взгляд, вообще не логично.

Огорчает и определённое количество неточностей, допущенных в тексте, которые сами по себе не сильно влияют на его содержание и смысл, но могут породить беспочвенные сомнения в уровне компетентности или аккуратности.

Например, вряд ли Нго Ши Лиена справедливо считать автором «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (с.302). Он лично написал лишь одну главу (10-ю Основных анналов). Хроника в каноническом варианте доведена до 1675 г., в то время как упомянутый историограф умер еще в XV в.

Некоторых работ, на которые ссылается автор, не удалось обнаружить в библиографии: [Познер 1994], с. 265; [Trần Trọng Kim 2000], с. 237, 262; [Our military traditions, 1979], с. 176, 249, 253, 259, 260; [Bình thư yếu lược... 1977], с. 174; [Стонтон 1801], с. 335; [Phan Huy Le...], с. 83.

Впрочем, всё это мелочи, которые не могут повлиять на окончательную высокую оценку монографии. Остается только пожелать автору продолжить свою работу по изучению этой интереснейшей сферы, результаты которой мы будем с нетерпением ждать, но при этом активнее привлекать к исследованиям основные первоисточники — хроники, в которых содержится еще масса пока ещё им не учтённых сведений по военной проблематике. Это и отравленные стрелы, и боевые воздушные змеи, которые пропитывали жиром выдры, поджигали и запускали в сторону вражеских оборонительных сооружений, и артиллерийские дуэли, разворачивающиеся между противниками уже в XVII в., и многое другое.